

УДК 37:2-75

**СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ
СРЕДИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ**

Ефимов В.Ф.

В статье раскрывается проблема просвещения молодежи в религиозных вопросах посредством деятельности Церкви и светских образовательных учреждений. Авторы показывают абсолютную недостаточность усилий государства и Церкви в этом направлении, что наносит ущерб нравственному воспитанию подрастающего поколения. В статье выявлены своеобразие, специфика, критика взаимодействия Церкви и интеллигенции, представлены организационные пути формирования религиозной грамотности среди населения России.

Ключевые слова: нравственные идеалы, религиозная грамотность, гуманизм, образование, христианство, молодежь, политика Церкви, катехизация.

**SOCIAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS OF RELIGIOUS LITERACY
AMONG THE YOUNGER GENERATION**

Efimov V.F.

The article reveals the problem of the education of youth in religious issues through the activities of the Church and secular educational institutions. The author shows the absolute failure of the efforts of the state and the Church in this direction that causes damage to the moral education of the younger generation. The author enlightens the originality, specificity, criticism of the interaction between the Church and the intelligentsia, and also the organizational ways of formation of the religious literacy among the population of Russia.

Keywords: moral ideals, religious literacy, humanism, education, Christianity, youth, Church policy, catechization.

Сегодня особенно остро осознаётся необходимость формирования у подрастающего поколения гуманистического мировоззрения, формирования умения мыслить, оценивать мир и себя в мире, а также необходимость развития способности принимать решения и действовать в соответствии с ними на различных этапах своего жизненного пути. Это касается и органично присущих человеку поисках Веры, Абсолюта, Бога, нравственных и иных Идеалов. Без духовности человечество вымрет, как вымерло в истории подавляющее большинство когда-либо существовавших народов.

Духовная составляющая мировоззрения у человека появляется как рефлексивное постижение опыта жизни даже без специального формирования извне. Одним из средств, оснований, базы упомянутых выше поисков является перманентно развивающаяся *религиоведческая грамотность человека*. В нашем понимании *это часть мировоззрения, позволяющая человеку в гуманистическом ключе правильно и рационально воспринимать религиозные явления и факты универсального мира, оценивать их и соответственно с этим действовать, не причиняя социального, психологического, духовного ущерба, как самому себе, так и окружающим людям*. Это является одной из функций образования в самом широком его понимании, стратегической целью которого сегодня является формирование высоконравственной, культурной личности, достойного, уважающего своё Отечество гражданина и т.д.

Какие же социальные институты современной России берут или могут взять на себя по своей сущности и назначению функции по формированию у наших детей и молодежи основ религиоведческой грамотности? Такими массовыми социальными институтами являются Церковь и школа. Эти институты отделены друг от друга государством, но априори не отделены от общества. Образовательные учреждения по своему назначению, а Церковь по своей сути своим основателем Иисусом Христом, Его апостолами и их преемниками (духовенством) призваны заниматься такого рода деятельностью. В некоторой степени эти функции могут на себя брать и негосударственные, внецерковные образовательные учреждения.

В данной статье с точки зрения гуманистического методологического подхода представим некоторые аспекты полемики по поводу содержания религиозной грамотности. А также проведем анализ вопроса, почему ни школа, ни Церковь с одной стороны не справляются в надлежащей мере с задачей формирования религиозной грамотности, а с другой стороны выскажем соображения, как нам видятся возможности её осуществления.

На протяжении последних четырех столетий в России содержание религиозной грамотности населения находилось под эгидой Русской Православной Церкви, авторитет и влияние которой по разным причинам колебались и падали.

Во-первых, в религии (христианском вероучении, но не в православно-церковной практике) изначально отражено понимание того, что главной преобразующей силой Земли является Человек, действующий в сопряжении с Богом. В связи с этим философ Вл. Соловьев в своём исследовании «Великий спор и христианская политика» писал, что христианство своим вселенским успехом обязано гуманистической составляющей, которая со временем была утрачена, особенно в Византии и в России. Светская культура (гуманистика) сформировавшаяся на христианской философии не только обращена к человеку, но и исходит от человека, от его собственных духовно-творческих возможностей и субъективной мощи.

Во-вторых, в XXI веке обостренное осознание гуманистических положений требует переноса акцентов на верховенство идеи *блага человека* во всех сферах цивилизации и социального *бытия*, в которое входит и церковная практика. Однако в этой практике видится отсутствие гуманистической составляющей во взаимодействии Церкви и верующих людей, т.е. отсутствие в полной мере учета в действиях Церкви как социального института *целостности* человеческой сущности человека.

Об этом писала в 1937 году в своей статье «Типы религиозной жизни» *святая* преподобномученица Мария (Скобцова): Вся система церковного и государственного обустройства России «предопределила то, что самые

религиозно-одаренные и горячие люди не находили в ней места. Одни или уходили в монастырь, стремясь к полному отрыву от всякой внешней церковной деятельности, или, вообще, поднимали мятеж, бунтуя зачастую не только против данной системы, но и против Церкви как таковой. Так родился у нас антирелигиозный фанатизм наших революционеров, столь похожий в своей первоначальной стадии на огненное горение подлинной, религиозной жизни. Он втягивал в себя всех, кто жаждал внутреннего аскетического подвига, жертвы, бескорыстной любви – всего того, что официальная государственная Церковь не могла дать...» [6, с. 65-66].

В пользу правомерности и объективности суждения матери Марии свидетельствует удивительное совпадение мнений людей, с диаметрально противоположными восприятиями вневременной сущности христианской веры и занимавших в обществе различный социальный статус. К ним относятся святая великая княгиня Елизавета Федоровна Романова, митрополит Антоний (Храповицкий) святой Иоанн Кронштадский, философ Владимир Соловьёв, писатель, граф Лев Толстой и др.

Сходную нашей оценку деятельности Церкви по формированию религиозной грамотности в современной России выражает авторитетный международный журнал «Континент». По словам одного из его авторов, игумена Вениамина (Новика), с религией у нас «большие проблемы. Ибо теперь Православие вместо коммунистической идеологии взято на вооружение государственниками и их идеологическим отрядом – новыми стилизаторами под Православие из соответствующих союзов писателей. То есть в основном теми, кто при любом режиме на плаву оказывается. Вечно живую идею коммунизма, а также его психологию, конечно, рано хоронить. Могучий монстр так и не был побежден, он сам слегка подразвалился, а теперь сменив вывеску, не без успеха разыгрывает патриотическую карту и на этой почве общей соборности сближается с Православием... Православие же давно у нас этническая религия ("русский должен быть православным"). Московская патриархия почитает всю Россию за свою "каноническую территорию" и не

думает изменить сталинское название "Русская Православная Церковь" (РПЦ) на изначальное "Православная Российская Церковь" (ПРЦ)» [5, с. 323].

Не мешало бы проанализировать и причины того, что в России реальное число прихожан составляет 1-2 % от общего числа населения этих стран. Причем, из этого числа около половины верующих не имеет даже элементарных представлений о христианской системе ценностей (Христос и Евангелие, а не «старец», ИНН, пседопатриотические идеологемы на первом месте). Следует отметить также, что часто православная практика требует от людей слепой веры и бездумного поклонения. «Слепая вера» слепо и бездумно используется, являясь антиподом религиозной грамотности. Христианство как вероучение не может воспевать и требовать слепой веры, потому что «слепая вера», не осознается. В этом случае верующий не зная предмета веры, ни её оснований, не замечает границы между Христианством и язычеством, между Православием и ересью, между религией и оккультизмом (магией). Слепым может быть только неверие.

Излишний ригоризм современной религиозной практики в российском Православии (длинные и не всегда понятные богослужения, чрезмерно строгие посты, эволюционировавшие из духовной практики в обрядовую самоцельную диету, бытовой ригоризм, в том числе «униформа» для мирян в виде бород для мужчин и несурзных юбок и платков для дам – и, наконец, психологически калечащий садомазохизм, патетически именуемый «смирением») просто отпугивает многочисленных потенциальных неофитов (новообращенных в веру), что чревато изоляционизмом и деградацией. И именно обрядославие (т.е. ортодоксия без ортопраксии) тому виной.

Фактически за последние 10 лет в России произошло сращение Церкви с государством. Вследствие чего наблюдается знаковый ущерб для Церкви и «польза» для власти предрержащих: Церковь стала меньше уделять внимания собственно гуманитарным, мировоззренческим вопросам, а больше стала уделять внимания поддержке государственной власти. В настоящее время наблюдается снижение благотворного влияния Церкви на общество (многие

люди не находят в Церкви удовлетворения своим духовным и морально-эстетическим запросам) и закономерное уменьшение активных прихожан. Остановимся на этом подробнее.

Церковь потеряла устойчивость каркаса убедительности. Ведь с точки зрения базовой инфраструктуры она выполнила свою основную задачу, открыв все типы учреждений, в которых нуждалась (образовательные, благотворительные, производственные, коммерческие) и получила доступ в СМИ и в книгоиздательство. Однако, с точки зрения внутренней эволюции Церковь (понимаемая в рамках данной статьи весьма широко: не только храмы, приходы и управленческие структуры Патриархии, но и всевозможные примыкающие и конкурирующие с ними организации – православные братства, сестричества, газеты, журналы параправославного толка и т.д.) отказалась от модернизации в какой либо форме и не адаптировалась к новым условиям своего существования.

Масштабы социальной работы за истекшее десятилетие церкви весьма скромны: количество учрежденных РПЦ больниц, просветительских курсов, приютов и домов престарелых очень мало. Православные фундаменталисты, консерваторы победили, придерживаясь своей линии (храмостроительство, сохранение традиции в исполнении обрядов, авторитаризм, некачественная подготовка священников и др.). Церковные либералы проиграли в своих стремлениях и не смогли во главу угла поставить просветительскую (керигматизация, катехизация) и социально-филантропическую деятельность.

В то время как РПЦ теряет своих сторонников, последователей среди интеллигенции, ислам усиливает свои позиции, его охотно принимают в российских городах и селах. Среди уже значительного числа ренегатов – люди из самых разных слоев общества, мужчины и женщины разных возрастов. Имеются и неординарные случаи: среди новообращенных мусульман оказались заштатный протоиерей (Вячеслав – Али Полосов), мэр провинциального городка, член популярной музыкальной группы и другие. Согласно цифрам, опубликованным газетой «НГ-религии», за прошедшее десятилетие количество

людей, считающих себя мусульманами, в РФ увеличилось с 8 до 9%. Один процент – это довольно серьезно, это порядка полутора миллионов человек. Учитывая миграцию, сложно сказать, какова здесь роль для неофитов славянской национальности. Вполне вероятно, что она не так мала, как думают христиане. В качестве причин, формирующих ренегатское мировоззрение и поведение, Ю. Максимов выделяет рационализм ислама – «религии без тайны» [2, с. 215]. Богочеловека Христа, мистику суфизма; мусульманское окружение, миссионерскую активность приверженцев Мухаммеда, отсутствие религиозной укорененности, брачные союзы между христианами и мусульманами.

Окончательные выводы о перспективах развития религиозной грамотности подрастающего поколения весьма не оптимистичны. РПЦ становится всё труднее органично вписываться в современный мир, давать четкие ответы на новые вызовы человечеству. Поэтому перспективы для РПЦ стать основным институтом пока еще слабо формирующегося у нас гражданского общества весьма туманны.

Большинство воцерковленных православных в России (около 1%-2% населения страны) путают смирение с унижением и искусственно заниженной самооценкой. В этой связи отметим, что тотально и повсеместно распространенное среди верующих и духовенства употребление терминологического сочетания «раб/раба Божья» вместо «дитя Божье», или просто «брат/сестра», является, параевразийским и нехристоцентричным, то есть по сути своему, негуманистичным. Оно не принято в католицизме и протестантизме (вряд ли можно найти что-либо более «западное») и является обрядово-параправославным, вступающим зачастую в открытое противоречие со святоотеческим миропониманием. Иными словами, оно является скорее, ветхозаветным и мусульманским, чем собственно евангельским и так как исторически означало метафорическое обозначение принадлежности к монотеизму. В современной церковной практике словосочетание «раб Божий» интерпретируется буквально как «раб церковный». В этой связи актуальны слова апостола Павла: «А как вы – сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа

Сына Своего, вопиющего: "Авва, Отче!" А посему ты *уже (!) не раб*, но сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа» (Гал. 4:6-7) (курсив наш – В.Е.). Далее апостол Павел показывает, что эпоха «рабства» фактически закончилась на Голгофе.

Не случайно ближе к финалу мессы, Литургии латинского обряда, католический священник произносит: «Мы называем себя *детьми Божьими* и *воистину ими являемся*, и поэтому дерзаем к Тебе взывать: "*Отче Наш*, сущий на Небесах..."» (курсив наш – В.Е.).

Дегуманизация церковной практики проявляется и в современной традиции выстаивать длиннейшие богослужения (эта традиция новая и не восходит к древнерусской богослужебной практике, а также к практике Восточных Православных Церквей), в нарочитом привитии культа лишений, оправдываемых доктриной самоценности и необходимостью страдания для духовной жизни («Бог терпел и нам велел»). В данном случае сущностный для религиозной веры гуманизм, основанный на христоцентризме, заменяется мазохизмом.

Наш небольшой анализ сложившейся ситуации позволяет выявить противоречие между процессуальными составляющими светского образования и церковной практикой взаимодействия с прихожанами и верующими (в том числе и с детьми, и с молодежью).

Творчество, стремясь к достижению и утверждению, всегда от чего-то отталкивается, что-то отрицает, что-то ломает, а это мало совместимо с современным и часто излишним консерватизмом церковной практики. На это указывает неоднозначное, в целом неблагоприятное или считающимся сугубо интимно-индивидуальным, не связанным с профессиональными обязанностями, отношение к Церкви со стороны интеллигенции. Например, это отношение характерно для учительского и профессорско-преподавательского состава, являющегося по своему назначению наиболее активной в области просвещения частью интеллигенции, которая по идее как раз и должна способствовать формированию религиозоведческой компетентности

у подрастающего поколения. Обычно эти протесты выражаются в следующих утверждениях: «Мы не делаем ничего плохого, чтобы ходить в Церковь и слушать(-ся) батюшку», «Для общения с Богом нам Церковь как посредник не нужна», «Мы разделяем, руководствуемся заповедями Священного Писания, но претворяем их в жизнь без церкви и без использования религиозной риторики». Раскроем сущность и причины приведенных суждений.

Такие взгляды представителей нашей интеллигенции находятся в противоречии со святоотеческой аксиомой, приписываемой святителю Иоанну Златоусту : «Кому Церковь не мать, тому Бог – не Отец». Переформулируем это высказывание, «Кому Бог – Отец, тому Церковь – Мать». По закону контрапозиции оно также должно быть истинным, но в практике Церкви не является таковым. В связи с этим, встают вопросы о том, какое влияние оказывает Церковь на духовность общества и умонастроение людей, какую духовную помощь Церковь должна оказывать интеллигенции в деле формирования у подрастающего поколения стремлений в поисках Идеала? Эти вопросы на прямую связаны с проблемой религиозной грамотности.

Социологические опросы показывают, что даже постоянные прихожане весьма смутно представляют себе чему их обязывает вера в Христа. Опрос, проведенный среди москвичей социологическим центром МГУ, показал, что в гороскопы верят 26% православных. Среди христиан верят в колдовство, порчу, и дурной глаз – 47%, в спиритизм – 18%. Стоит обратить внимание на то, что если в колдовство верят 47% христиан, то в дьявола только 32%. Значит, далеко не все считают магические чары пособничеством дьявольских сил. Если сравнивать характеристики сознания «определенно верующих» и атеистов, то выясняется, что именно последние в 2-4 раза меньше подвержены влиянию суеверий, оккультизма, сатанизма. Верящих в гороскопы также максимальное и почти неизменное число среди наиболее частых прихожан. Среди тех, кто не ходит в Церковь, верящих в предсказания астрологов вдвое меньше – 16%. Этот факт свидетельствует о слабом влиянии духовенства даже на постоянных

прихожан, которые выходят из храма с теми же заблуждениями, что и пришли [4, с. 418].

Из приведенных выше суждений следует, что на лицо явное отсутствие четко выраженной позиции интеллигенции по отношению к Христианству. На самом же деле, Христианство (как вероучение, а не деятельность Церкви) отнюдь не исключает, и, более того, поощряет индивидуальные духовные усилия. Ведь Церковь причислила к лику святых явных «индивидуалистов» с независимым поведением и взглядами. Здесь можно назвать Марию Египетскую, Марию Кузьмину-Караваеву (Скобцову), Тихона Задонского, Серафима Саровского, Феофана-Затворника, Иоанна Кронштадского и др. Но в современной культово-обрядовой практике произошла описанная выше дегуманизация, что привело к фактическому диктату духовенства над паствой. Именно эти перегибы в духовной жизни вполне справедливо вызывают аллергические реакции у нашей интеллигенции, положительно принимающей деятельность Церкви только в русле светской всемирной истории и истории Отечества.

Непринятие Церкви частью общества связано в основном только с сугубо социально-психологической стороной религиозной жизни, которая во все времена не была совершенной. Но есть и духовная составляющая религиозной жизни, о которой мы уже упоминали. Она включает в себя не только национально-историческую память и вселенский, а не узкоэтнический характер христианской веры, но и таинства, участие в которых ведет человека ко спасению, т.е. к трансцендентальной вечной жизни со Христом. А таинства могут совершаться только в Церкви, все остальное без них выглядит словесным облачением чего-то, непонятного и мало нужного для повседневной жизни.

Здесь возникает новое противоречие уже между интеллигенцией (как воцерковленной так и невоцерковленной) и других слоёв населения, между просвещенческой, образовательной деятельностью и трудом в сфере производства материальных благ. Одним из путей разрешения противоречия во взаимоотношении церковников и интеллигенции в сфере религиозной

грамотности может быть создание сугубо интеллигентских приходов, типа храма Косьмы и Дамиана в Столешниковом переулке в Москве.

На этом приходе не подавляются свойственные человеку творческие начала, а интеллигенция обретает пути к самореализации в духе учения отца Александра Меня, в том числе и в рамках церковной веры. Однако эти тенденции и в данной общине носят по большому счету декларативный характер. Формально члены общины исповедуют Православие, на самом деле у них намечается явный крен во внецерковный и абстрактный мистицизм и вульгарный (адогматический) экуменизм, включая взаимодействия с нехристианскими религиями, в т.ч. и иудаизмом.

Обычно подобное религиозное сознание дехристоцентрировано. Среди такого рода верующих типичны разговоры о «мертвом законе и живом духе», что чаще всего является прикрытием их авторитарного (полусектантского) произвола над более личностно слабыми адептами такого своего рода «православного либерализма», которое можно назвать «баптизмом византийского обряда».

Очевидно, что Религиоведческая грамотность должна включать в себя осознанное понимание основных различий между ведущими мировыми религиями – христианством и исламом [2; 3], попытками подмены христианства язычеством, злоупотребление христианской атрибутикой с вне христианскими целями [7].

Вероучение Христианской Церкви содержит тезис о том, что спасается человек милостью Божьей при условии содействия от собственной воли. Однако губят люди себя сами, наперекор желанию Бога, ибо грех не от Бога и создал Он людей для блаженства и уготовил людям не ад, а Царство Небесное (ср.: Мф. 25:34). Грешник же сам предпочитает Богу дьявола, сам включает себя в мир зла, и пропускает этот мир внутрь себя, следовательно, и разделяет его страшную судьбу. Смертность греха заключается не в объективной стороне поступка, а в сознательном отрицании Божественного Начала, которое этим поступком свершилось, смертность греха – в отвержении благодатной помощи

ко избежанию падения, всегда достаточной для победы над искушением (1 Кор. 10:13; Рим. 5:20). Наконец, у некоторых смертность греха – следствие предумышленного оскорбления Бога.

Некоторые богословы полагают, что вечные муки происходят от осознания перманентной отрешенности от Бога, это – неумирающие угрызения совести (Мф. 8:21), сознание того, что человек сам виновен в своем проклятии и страданиях (ибо отверг благодатную помощь для достижения вечного блаженства). «Смертный грех отделяет нас от Бога, превращает из сынов Божьих в рабов дьявола» (ср.: 1 Ин. 3:8); поэтому душа лишается возможности достичь предназначенной ей Творцом цели – лицезрения Лица Божьего. В таких случаях Божественный Судья говорит: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Мф. 25:41).

По мнению Н.А. Бердяева: «Христианско-аристократическая религия, религия свободных сынов Божьих... учение о благодати – аристократическое учение» [1, с. 587], ибо только эта вера формирует у человека ответственность за себя пред Творцом, напоминает о постоянном несовершенстве и всегда открывает новые горизонты. При этом Христианство не гарантирует комфорта и порой идет в разрез с общепринятыми нормами. В Христианстве через идею богочеловека (развитую Владимиром Соловьевым, святым преподобным Иустином Поповичем, митрополитом Антонием Сурожским и другими мыслителями) человек возвышается и приобретает трансцендентное космическое значение.

Наш краткий анализ показывает, что педагогический опыт формирования религиозоведческой грамотности молодёжи в Церкви не совместим в процессуальном и в ментальном плане со светским преподаванием как в школе, так и в вузе, мало имеет точек соприкосновения с ним.

По нашему мнению, существует четыре пути организованного при поддержке государства формирования религиозоведческой грамотности.

Первый путь через деятельность Церкви. Этот путь возможен, если РПЦ произведет соответствующие реформы по расширению своей деятельности в

гуманитарной сфере, включая формирование религиозной грамотности. В настоящее время этот путь реализуется через организацию в приходах для детей и взрослых воскресных школ и катехизаторских двухгодичных курсов

Второй путь через внешнюю деятельность Церкви, усиление её миссионерских функций и служения миру на светском поприще. Такой путь в прошлом Христианская Церковь, причем весьма успешно, уже проходила. Вспомним деятельность апостолов, проповеди странствующих монахов, старцев, странников и др. Реализация этого пути возможна путем привлечения священнослужителей к работе в просветительских организациях, включая образовательные учреждения. Заметим, что наш великий отечественный педагог К.Д. Ушинский, в согласии со своей педагогической концепцией формирования личности ребенка с христианским мировоззрением, приветствовал участие педагогически осведомленных священнослужителей в образовании школьников.

Третий путь через деятельность государственных образовательных учреждений, в том числе осуществляющих дополнительное образование, подобно тому, как это делалось в царской России через изучение «Закона Божьего». На этом пути со стороны государства наблюдается пока очень слабый отклик на необходимость формирования религиозной грамотности. Организационно он выражается в разрешении школам вводить для желающих не имеющих в настоящее время должного методического обеспечения факультатив по православной культуре, который по большому счету даже при нормальном его проведении не обеспечивает в полной мере религиозной грамотности. Очевидно, это связано с отсутствием внятной сформулированной национальной идеи России, в разработке которой церковь начала принимать участие.

Реализация третьего пути возможна через включение элементов Священного Писания в учебники, в хрестоматии по литературе, при плюралистическом преподавании дисциплин учебных планов образовательных учреждений, через проведение креационистических содержательно-

методических линий в предметах естественно-математического цикла. Например, учителя биологии, объясняя происхождение мира и человека, могут рассказывать детям о двух теориях – научном эволюционизме и научном креационизме, используя данные естественных наук (биологии, географии, геологии, отчасти астрономии и химии).

К.Д. Ушинский, отвергая образцы западного образования, базирующегося на греко-латинской культуре (язычестве) писал: «Мы требуем, чтобы учитель словесности, учитель истории и т.д. не только вдавливали в головы своих учеников факты своих наук, но и развивали их умственно и нравственно. Но на чем же может основываться нравственность, как не на *христианстве* (курсив – В.Е.)?»

Четвертый путь возможен через организацию негосударственного и не церковного образования в области формирования религиозной грамотности, а также организацию самообразования посредством чтения специально подготовленной литературы, например в семье. В настоящее время указанный путь реализуют некоторые православные издательства и немногочисленные философско-теологические факультеты в системе высшего образования.

Выявленные социальные и педагогические (гуманистически направленные) факторы развития религиозной грамотности показывают, что все сформулированные пути её формирования обладают некоторой стихийностью и хаотичностью, требуют внимания интеллигенции, обсуждения в широких слоях общества, а также поддержки у государства, у национальной и деловой элиты.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Судьбы России. М., – Харьков. 2004.
2. Максимов Ю.М. Религия Креста и Религия полумесяца. М., 2004.
3. Максимов Ю. М. Одному ли Богу поклоняются христиане и мусульмане? // Благодатный огонь. 2005. № 13.

4. Кураев Андрей, диакон. Церковь в мире людей. М., 2006

5. Игумен Вениамин (Новик). Испытания святого Ерма // Континент, № 120 (№ 2). Париж-Москва, 2004.

6. Скобцова Мария, преподобномученица. Что такое церковность? Киев-Париж. 2006.

7. Щелокова Л.И. Проблема сакрального пространства в публицистике А.Н. Толстого [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis*. 2014. № 4. URL: <http://st-hum.ru/node/193> (дата обращения: 10.06.2015).

Сведения об авторе:

Ефимов Владимир Федорович – доктор педагогических наук, профессор Московского государственного областного гуманитарного института (Орехово-Зуево, Россия).

Data about the authors:

Efimov Vladimir Fedorovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Moscow State Regional Institute of Humanities (Orekhovo-Zuevo, Russia).

E-mail: efimprof53-1953@km.ru.